

рациональности, а также в зависимости от информационной свободы субъекта, то есть от «знания дела».

3. Свобода субъекта в сильной степени зависит от его деятельности или бездеятельности. Рациональность деятельности, при прочих равных условиях, увеличивает, а не сводит на нет свободу субъекта. Рациональность уменьшает количество «тупиковых», неразумных вариантов поведения субъекта, что может восприниматься как ограничение свободы. И попытки критиковать классиков мировой философии за их определение свободы как познанной необходимости всегда будут обречены на провал.

4. В результате своей деятельности или бездеятельности субъект может оказаться либо в ситуации с той же мерой свободы, или в ситуации с иной мерой свободы как качественно-количественной определенности.

Список литературы: 1. *Иошкин, В.К.* Несвобода и свобода в рациональном осмыслении мира [Текст] / *В.К. Иошкин* // Вопросы философии, 2006. - № 8. - С.15 – 28. 2. *Иошкин, В.К.* Свобода и несвобода бытия [Текст] / *В.К. Иошкин*. – Санкт-Петербург: «Питер-Принт», 2007. – 271 с.; 3. *Левин, Г.Д.* Истинность, рациональность, свобода [Текст] / *Г.Д. Левин* // Вестник РАН, 2004, № 12. - С.1090 – 1096; 4. *Никифоров, А.Л.* Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности [Текст] / *А.Л. Никифоров* // Исторические типы рациональности. Т.1. – М.: Институт философии РАН, 1995. - С.282 – 298. 5. Рациональность на перепутье. – М.: РОССПЭН, 1999. – 368 с.; 6. *Черткова, Е.Л.* Рациональность – критика – свобода [Текст] / *Е.Л. Черткова* // Исторические типы рациональности. Т.1. – М.: Институт философии РАН, 1995. - С. 299 – 316.

Поступила в редколлегию 09.09.09
Рецензент: докт. филос. наук, проф. В.В. Будко

УДК 162

М.В. СМОЛЯГА, канд. филос. наук, НТУ «ХПИ»
Г.Г. СТАРИКОВА, канд. филос. наук, ХНУРЭ

ПРОБЛЕМА РЕФЕРЕНЦИИ ПОЗНАВАЕМЫХ ОБЪЕКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье анализируется проблема референтности виртуальных миров, создаваемых современной культурой, наукой, искусством. Особое внимание уделяется постнеклассической науке, в которой соотношение между научной концепцией (виртуальной моделью мира) и реальной действительностью не всегда является очевидным.

Ключевые слова: виртуальный мир, постнеклассическая наука, референтность, симулякр, эпистемология.

В статті аналізується проблема референтності віртуальних світів, що створюються сучасною культурою, наукою, мистецтвом. Особливу увагу приділено постнекласичній науці, у якій

співвідношення між науковою концепцією (віртуальною моделлю світу) і реальною дійсністю далеко не завжди є очевидним.

Ключові слова: віртуальний світ, постнекласична наука, референтність, симулякр, епістемологія.

This article is connected with the been of the virtual worlds which make by modern culture, science, art and its reference. The especially attention is given to the postnclassic science where the correlation between the science conception (virtual model of the world) and the real world very often is not obvious.

Keywords: the been, epistemology, the postnclassic science, simulacrum, the virtual world.

В современной теории познания специфическую область исследования составляет гносеологический аспект бытия виртуального. Особенно актуальным в настоящее время является вопрос о референтности порождаемых культурой, наукой, искусством виртуальных миров, их соотношении с реальностью.

Существует важное в эпистемологическом смысле разграничение реальностей естественных, найденных, открытых и реальностей искусственных, созданных, сконструированных. Постнекласическая наука имеет дело с реальностями обоих типов, однако нас в данной работе будут интересовать только искусственно созданные реальности. Искусственная реальность – это реальность создаваемой человеком техники, средств коммуникации, информационных технологий вместе с рефлексивно-коммуникативными схемами-моделями деятельности по их конструированию и использованию, образующими комплекс наук об «искусственном», или виртуальном. Но искусственная реальность – это и реальность социума, реальность культуры, реальность художественная (реальность живописи, литературы, музыки). В какой мере мы можем говорить о всех этих реальностях как о виртуальных? Сложно ответить на этот вопрос вне контекста, без ссылок на субъекта, конструктивно соотнесенного с этим контекстом. Однако вполне возможно говорить о наличии собственных виртуальных миров, порожденных творчеством Л. Толстого, М. Пруста или С. Дали. Конечно, их онтологический статус является иным, нежели онтологический статус виртуальных миров физики элементарных частиц.

Некоторые исследователи предлагают в самом широком смысле понимать виртуальное как иллюзию реальности, данную нам, однако, в чувственном опыте [1, с.31]. Разумеется, и научные тексты, и художественные произведения существуют реально. Но их подлинное бытие не есть их материальное бытие. Если мы берем в руки простейший инструмент, изготовленный какой-нибудь давно исчезнувшей культурой, мы догадываемся, как именно его нужно применять, какие действия совершаются с его помощью, какие практические цели достигаются. Иными словами, само материальное бытие предмета содержит существенную

информацию о нем, о его смыслах, целях и задачах. Иначе выглядит наша встреча с текстом на незнакомом языке, с художественным или литературным артефактом неизвестной нам культуры. Эти предметы не несут для нас никакого смысла, кроме общекультурной принадлежности, пока мы не узнаем базовые смысловые, ценностные и т.д. характеристики создавшей их культуры. То есть материальная оболочка является лишь носителем *смыслов*, создающих специфику того или иного артефакта. «Искусственный» (виртуальный и т.д.) мир зарождается в человеческом сознании, в нашей реакции на окружающее скорее, чем в самом видимом, наблюдаемом, исследуемом мире. Между объектами и их изображением в виде рисунка, модели, формулы стоит внутренний мир постигающего/творящего человека. А смыслы, которые реципиент находит в книге, картине, произведении искусства, черпаются им в значительно большей степени из культуры, нежели из действительности самой по себе. Эти смыслы имеют не материальное, а идеальное бытие, они не существуют в «реальной» реальности, а только лишь в виртуальной, идеальной. Однако при этом они способны порождать вполне реальные эффекты и самым непосредственным образом воздействовать на людей. В частности, теоретические объекты науки также существуют лишь в особом, теоретическом мире и потому могут квалифицироваться как виртуальная реальность. Поэтому для современной эпистемологии одним из весьма актуальных является вопрос о том, всегда ли в истории науки создаваемая ею виртуальная реальность имела свои референты?

Наука, как и искусство, создавала свои виртуальные миры от истоков времен, с самого начала своего существования. Особенно усилилось «виртуалистское» творчество в науке на классическом этапе ее развития, в XVII-XIX вв. Теоретические объекты классической науки – это идеальные объекты, типа точки, идеально черного тела, идеального газа и т.п. Их подлинное бытие – это особый теоретический мир, именно поэтому они являются виртуальной реальностью. Формулирующиеся относительно этих идеальных объектов основные уравнения теории, ее законы и принципы, с одной стороны, формируют виртуальную реальность данной теории, но, с другой стороны, оказываются способными объяснить реальный мир. Мысленно экспериментируя с этими принципами и законами, естествоиспытатели создают теории, являющиеся адекватной теоретической (т.е. виртуальной) реконструкцией реальности.

Следующий этап создания виртуальных миров науки приходится на начало XX века. Он связан с развитием неклассической науки, прежде всего квантовой механики и теории относительности. Специфика этого этапа и сотворенных в это время виртуальных научных миров связана, прежде всего,

с изменением референтности объектов, входящих в эти миры. Если в классический период теоретические объекты были идеализацией реальных и их референтами выступали реальные вещи в реальном мире, то в квантовой механике референтами идеальных объектов становятся не сами исследуемые объекты, а результаты измерений. Микрообъекты – предмет исследования и изучения квантовой механики – подобно квантовой «вещи в себе» остаются недоступными для исследователей. «Неправильно думать, - говорил в этой связи Н. Бор, – что задача физики состоит в том, чтобы открыть, что представляет собой природа. Физика интересуется только тем, что мы можем сказать о природе» [цит. по 1, с.40]. Квантово-механическая реальность сама по себе недоступна, часто исследователи называют ее «завуалированной» реальностью. Можно сказать, что в данной ситуации «степень виртуальности» увеличивается.

Квантовые феномены возникают как результат оформления того неопределенного нечто, которое существует до измерения и продуцируется самим актом взаимодействия микрообъектов с прибором. При этом содержание квантового феномена определяется типом экспериментальной установки. Вот как сказал об этой особенности известный физик-теоретик Дж. А. Уиллер: «Ни один квантовый феномен не становится им, пока его не измерили» [2, с.41]. Таким образом, в плане референтности особенность квантовой механики состоит в том, что создаваемое ею описание микрообъектов не является объектным: оно требует обязательной отсылки к типу экспериментальной установки, к прибору и, в конечном счете, к наблюдателю. Не будучи объектным, оно является субъектным, но не субъективным, поскольку квантовая механика является объективной теорией, адекватно описывающей действительность.

Не является объектной и релятивистская физика. Такие основополагающие характеристики реальности, как пространственные и временные промежутки или масса тел не являются абсолютными, как это было в классической физике. Их значение зависит от того, в какой инерциальной системе отсчета они определяются. Аналогичная ситуация складывается и в других областях постнеклассической физики, включившей в сферу своего рассмотрения большие сложноорганизованные, в том числе человекообразные, системы. Естественно, для таких систем невозможно построить объектное описание: человек-наблюдатель сам включен в эту систему. Характеризуя ситуацию в синергетике, современные исследователи отрицают саму возможность становления в ней парадигмы «внешнего» наблюдателя. Утверждают, что в современной науке возникает «новая философия природы и человека как когерентного синергического целого» [3, с.105].

Это сближает науку XX века с искусством. Искусство также субъектно и, в отличие от науки, даже субъективно, поскольку в процессе смыслообразования очень существенную роль играет личность самого художника. Следует подчеркнуть также, что для науки в целом такая характеристика, как субъектность, является неизбежным, но нежелательным фактором, от которого стремятся избавиться или предельно минимизировать его влияние.

Проблема референтности стала одной из существенных для современной западной культуры в целом. В первую очередь она, естественно, отразилась в научных изысканиях. Однако следует заметить, что сама проблема, как это бывало традиционно в культуре Европы последних столетий, сформировалась и «самовыразилась» первоначально в рамках искусства, а научные деятели лишь «поставили диагноз» тогда, когда проблема стала осознанной, вербализуемой и поддающейся рационально-логическому анализу.

В течение XX века происходит существенное усложнение проблемы референтности произведений искусства. Обуреваемые стремлением выразить себя, представители всех видов искусства делали акцент исключительно на экспрессии, пренебрегая формой. Так, В. Кандинский создал теорию «растворения» предмета в живописи, что, по его мнению, сохраняло «в неприкосновенности «душу» предмета» [4, с.39]. При этом он подчеркивал, что именно научные открытия, в частности открытие явления распада атома, заставило его разувериться в материальности объектов. Вообще можно сказать, что развитие квантовой и релятивистской физики шло «параллельно» с развитием абстракционизма в современном искусстве.

Вершиной абстрагирования от реальности считается искусство абстрактного экспрессионизма, возникшее во второй половине XX века. В отличие от всего предыдущего искусства, включая фигуративный экспрессионизм, создающий *вторичную реальность* (*первичной* выступает природа, окружающая действительность), в абстрактном экспрессионизме (В. Кандинский, Дж. Поллок, В. де Куинг) сами картины выступают *первичной реальностью*. Здесь исчезает типичное для репрезентативного искусства отношение между субъектом и объектом, где объектом выступает натура, а художник – субъектом. Изображение на полотне становится одновременно и субъектом, и объектом. Фактически это уже нельзя назвать даже абстракцией – ибо абстракцией от чего?

Что же касается искусства эпохи постмодерна, то многие исследователи соглашались с тем, что для современного «элитарного» искусства характерна тенденция полного отказа от референтов. Если искусство модерна оперировало символами, образами, которые отсылали зрителя к той или иной

реальности – материальной, духовной, идеальной, то искусство постмодерна работает с симулякрами – формами, не имеющими референтов [1, с.43]. Сами художники и интерпретирующие их произведения искусствоведы настойчиво подчеркивают «конструктивный» характер художественных произведений, фиксируя внимание на том, что они созданы, сконструированы художниками и не имеют никакого отношения ни к материальной реальности, ни к духовной деятельности, ни даже к сновидениям или грезам.

Сходные процессы происходят и в сфере современных исследований научного познания и познавательной деятельности. Постмодернистски ориентированные исследователи науки стремятся доказать, что она ничем принципиально не отличается по своему статусу от искусства, мифа, религии как один из равноправных компонентов культуры. С этой точки зрения наука – только одна из возможных перспектив жизненного мира человека (один из возможных виртуальных миров): кто-то хочет жить в перспективе науки, другой – искусства; более того, один ученый предпочитает рамки одной научной парадигмы, в то время как другой исповедует альтернативную точку зрения. Это становится возможным, поскольку все эти перспективы равноценны. Считается, что это характерная черта именно современной постнеклассической науки, в отличие от классической. В постмодернистских дискурсах «в плюрализме реальностей основные сферы культуры – наука, экономика, искусство, религия – сближаются» [5, с.68]. Этот «плюрализм реальностей» вполне может быть интерпретирован как множественность сосуществующих в современной культуре виртуальных реальностей. В это представление вполне вписывается широко распространившееся в современной эпистемологии понятие «конструктивизм». Под этим названием сейчас объединяются такие направления в исследовании феномена науки, как социология познания, science studies, включающие антропологию знания, лингвистическое направление, радикальный конструктивизм и т.д. Этот подход базируется на утверждении, что научное знание – это не результат открытия того, что существует до всякого познания, а конструкция человеческого ума. При подобном подходе научное знание еще больше сближается с понятием виртуальной реальности, поскольку обладает многими характеристиками искусственно созданных виртуальных миров. Наиболее радикальные представители конструктивизма отстаивают лозунг «эпистемология без онтологии». Они утверждают, что ученые конструируют не только научное знание, но и саму реальность.

Представляется, что утверждение о том, что научное знание не имеет референтов в реальности, искажает облик и саму сущность науки. Подобные исследования феномена науки полностью игнорируют эпистемологическую составляющую ее сущности, хотя в самой науке, как и в классический

период, этот аспект продолжает существовать. Важнейшей особенностью научной деятельности по-прежнему является поиск истины. Ученые стремятся получить знания о природе, которые соответствовали бы картине «реальной реальности», а не искусственно созданным концептам. Опираясь на лишние референтности симулякрами, наука перестанет выполнять свои функции в культуре и социуме.

Исключительную остроту рассматриваемой проблеме придает бурное развитие информационных технологий. Сегодня благодаря им свой мир может создать любой человек. Поэтому особое значение приобретает анализ деятельности человека при создании виртуальных миров и симулякров, что самым непосредственным образом связано с проблемой референтов этих симулякров. На основе подобных исследований в современной эпистемологии сформировался подход, получивший название конструктивного реализма. Он снимает абсолютное противопоставление «внешних» и «внутренних» процессов в познании. В этой концепции познание понимается как деятельность в рамках теории динамических когнитивных систем [2, с.37]. Познающее существо «вырезает» из реальности именно то, что соотносимо с его деятельностью.

Таким образом, конструктивный реализм, как и в целом весь спектр исследований по проблеме референции познаваемых объектов, является важной составляющей в процессе осмысления судьбы человека в мире новых информационных технологий и способов воздействия на психику и тело, в мире, где виртуальная реальность размывает границы действительности и мнимости и где существует опасность утраты бытийственных основ жизни, деятельности и познания.

Список литературы: 1. Мамчур, Е.А., Скорупская, Ю.Г. Виртуальные миры искусства и науки: проблема референции [Текст] / Е.А. Мамчур, Ю.Г. Скорупская // Филос. науки. – 2007. - №7. – С. 32-48. 2. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») [Текст] / В.А. Лекторский [и др.] // Вопросы философии. – 2008. – №3. – С. 3-37. 3. Аршинов, В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки [Текст] / В.И. Аршинов. – М.: Гардарики, 1999. – 358 с. 4. Аршинов, В.И. Постнеклассическая рациональность, виртуалистика и информационные технологии [Текст] / В.И. Аршинов, М.В. Лебедев // Филос. Науки. - 2007. – № 7. – С. 9-29. 5. Миф, мечта, реальность [Текст] / под ред. В.С. Швырева. – М.: Терра, 2005. – 287 с.

Поступила в редколлегию 15.09.2009

Рецензент: канд. филос. наук, проф. М.С. Курочкина